

ФРЕДРИК БРАУН

СМЕРТЬ
ТОЖЕ
ОШИБАЕТСЯ...

чай, кофе
и убийства

Чай, кофе и убийства

Фредрик Браун

Смерть тоже ошибается...

«АСТ»

1949

УДК 821.111-312.4(73)
ББК 84(7Сое)-44

Браун Ф.

Смерть тоже ошибается... / Ф. Браун — «АСТ»,
1949 — (Чай, кофе и убийства)

ISBN 978-5-17-102870-1

Странствующий по Америке цирк шапито преследует проклятие – вереница странных пугающих событий кажется бесконечной. Все началось с убийства никому не известного лилипута, обнаженное тело которого было обнаружено на территории цирка. Дальше – больше; его смерть стала лишь первым звеном в цепочке таинственных убийств и крайне подозрительных «несчастных случаев». И самое странное обстоятельство – то, что убийца, похоже, подбирает своих жертв... по размеру. Не в силах больше стоять в стороне, к расследованию подключаются бывший частный сыщик, а ныне – владелец собственного аттракциона в цирке Эмброуз Хантер и его юный племянник Эд...

УДК 821.111-312.4(73)
ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-17-102870-1

© Браун Ф., 1949
© АСТ, 1949

Содержание

Действующие лица	6
Глава первая	7
Глава вторая	15
Глава третья	23
Глава четвертая	33
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Фредрик Браун

Смерть тоже ошибается...

Fredric Brown

THE DEAD RINGER

Печатается с разрешения наследников автора и литературного агентства Scott Meredith Literary Agency.

© Fredric Brown, 1949

© Перевод. М. Прокопьева, 2017

© Издание на русском языке, AST Publishers, 2017

Действующие лица

ЭД ХАНТЕР – ненавидит убийства, но они постоянно случаются рядом с ним.

ЭМ ХАНТЕР – дядя Эда, бывший частный сыщик, ныне владелец киоска в цирке шапито, где они оба работают.

РИТА ВАЙМАН – сексапильная блондинка, притягивающая неприятности; работает в стрип-шоу.

АРМИН ВАЙСС – капитан полиции в Эвансвилле, штат Индиана. Выглядит как тупой коп.

ХОУГИ – читает лекции по сексуальному воспитанию в цирке шапито.

ЛОН СТАФФОЛД – лилипут, которого никто не знал, пока его не убили.

ФЛО ЧЕРВИНСКИ – держит меблированные комнаты в Цинциннати.

ЭСТЕЛЬ БЕК – тоже работает в стрип-шоу, но менее красива и опасна, чем Рита.

ЛИ КЭРИ – фокусник, поклонник джаза.

БУКЕР Т. БРЕНТ – семилетний вундеркинд, отбивающий чечетку; прозвище Джигабу.

Глава первая

Ничто в этот день не предвещало убийства. Был он унылый и серый, но теплый, и в цирке собралась приличная толпа. Мы неплохо выступили. Было пятнадцатое августа, четвертый день нашего пребывания в Эвансвилле, штат Индиана.

Около половины седьмого – мы как раз начали готовиться к вечернему представлению – полил дождь. Обычно для цирка шапито это катастрофа, но на сей раз никто особенно не расстроился. Вот уже несколько недель, пока мы колесили по южному Огайо и Кентукки, стояла отличная погода, мы работали каждый день и не могли пожаловаться на заработок. Для разнообразия вполне можно было один вечер устроить себе отдых.

Дядя Эм только открыл наш киоск с призовой игрой, и тут в сумерках упали первые крупные капли. Он запрокинул голову и посмотрел на небо. Несколько капель попали ему на лицо и, поблескивая, повисли там. Дядя снова закрыл киоск и широко улыбнулся.

– Ну, Эд, – сказал он, – похоже, у нас выходной.

– Может, дождь скоро закончится, – предположил я.

– Думаю, зарядил на всю ночь. Еще и ветер поднимется. Давай-ка веревкой привяжем.

Мы убрали бейсбольные мячи, деревянные бутылки из-под молока, две полки с призами и достали непромокаемые плащи. Я надел шляпу. Со своей дядя Эм вообще никогда не расстается, разве что когда спит. У него мягкая черная шляпа с широкими опущенными полями вроде той, которую носит Тень, но на этом сходство моего дядюшки с Тенью заканчивается: он низкорослый, весьма упитанный, у него веселое круглое лицо и не слишком аккуратные каштановые усы.

Мы достали веревку и привязали боковые стены нашего киоска к каркасу двойным рыбацким узлом. Дождь усилился. Повсюду на аллее работники цирка делали то же самое и снимали афиши. Мы также привязали палатку, в которой спали, к будке с нашим аттракционом.

К этому времени дождь поутих, превратившись в мелкую морось, но дядя Эм утверждал, что это он так нас дурачит.

– Сегодня открывать не будем. Наверное, я схожу в Джи-топ. Почему бы тебе не сгонять в город, посмотреть кино?

– Я останусь здесь, – ответил я. – Хочу поиграть на тромбоне, к тому же у меня есть журнал с детективами.

Дядя кивнул и ушел, а я вернулся в палатку, включил свет и достал свой отличный тромбон, который дядя подарил мне, когда в прошлом году после смерти отца я устроился работать в цирк.

Этот тромбон до сих пор вызывал у меня восторг. Некоторое время я просто сидел, держа его в руках и наслаждаясь соприкосновением с ним. У него была легкая, как перышко, кулиса, которая двигалась так, что не ощущалось ни трения, ни веса. Я полировал его позолоченное покрытие, словно драгоценность. Инструмент приятно было просто держать в руках и смотреть на него.

Посидев так, я начал играть гаммы, а потом сыграл несколько мелодий по памяти. Неплохо. Но когда я взял высокие ноты, они у меня не получились, и, наверное, это звучало ужасно. Позади послышался смех, и я обернулся. В палатку просунулась голова Хоуги, а потом, широко улыбаясь, вошел и он сам. С его ярко-желтого непромокаемого плаща стекали капли дождя. Хоуги был такой огромный, что, казалось, занимал собой половину палатки, и ему пришлось слегка наклонить голову, чтобы не задеть шляпой полотняный потолок.

– Эд, я думал, тут кого-то режут, – сказал он. – Заглянул, чтобы проверить.

Я улыбнулся:

– Ты только что вернулся, Хоуги?

– Пару минут назад. Все готово к переезду в Саут-Бенд на следующей неделе. Там и место хорошее.

Несколько дней в неделю он подрабатывал антрепренером, поскольку наш штатный антрепренер уволился. Обычно Хоуги выступал в интермедии с лекциями по сексуальному воспитанию, но в большинстве городов его номер вызвал бурное негодование, и устроители ярмарки решили отказаться от таких рода лекций до конца сезона.

– Как твоя шимпанзе, Хоуги? – спросил я.

Он помрачнел:

– Все еще болеет. Я сразу заглянул в трейлер, посмотреть, как она. А где Эм? Играет?

Я кивнул, и Хоуги вышел из палатки. Дождь снова усилился, отбивая равномерную дробь по полотняной крыше у меня над головой. Послышались раскаты грома. От этого низкого, далекого грохота почему-то становилось страшно. Вроде и знаешь, что это всего лишь тучи ударяются друг о друга, но звук напоминал рычание какого-то зверя, огромного и страшного, которого нельзя опознать по голосу, но он казался большим и смертоносным, хотя и находился далеко.

Я надел дождевик и зашагал по аллее. Дождь стучал по моей шляпе, как по барабану, и земля на территории цирка начала превращаться в раскисшую грязь. К счастью, наклонная поверхность поможет избежать образования глубоких луж, а с грязью справятся опилки.

Я пересек аллею и направился к зеленому фургону, расположенному за шатром шоу уродов. В фургоне горел свет, и когда я постучал, Ли Кэри пригласил меня войти. Он улыбнулся и произнес:

– Можешь послушать граммофон. Правда, я сейчас ухожу.

– Есть новые пластинки?

– Альбом Джимми Дорси. Хорошая музыка.

Он надел непромокаемый плащ и вышел, а я включил портативный граммофон и поставил альбом Дорси. Действительно, хорошая музыка. Но в небе грохотало все громче, и я не мог сосредоточиться на музыке. Да ну ее, решил я и снова направился на улицу.

Дождь лил как из ведра. Я поспешил обратно к нашему киоску и обнаружил там дядю Эма, который стоял под козырьком фургона с попкорном и следил за нашей палаткой. Поднялся ветер, но не очень сильный.

Мы немного поговорили с ним, а когда дождь и ветер слегка поутихли, дядюшка Эм вернулся в Жи-топ. Если кто не в курсе, Жи-топ – палатка, где циркачи играют в карты между собой, в своем кругу. Чужакам – то есть людям со стороны – сюда вход заказан, это дело чисто семейное.

Я пошел с дядей, немного понаблюдал, как он играет в рамми, но задерживаться там не стал.

После нескольких партий я вернулся в палатку, в которой мы спали. Под дождевик залилась вода, я разделся и принялся вытираться полотенцем. Пока я этим занимался, неожиданно погас свет. Причем не только у нас в палатке, но на всей территории цирка. Выглянув на улицу, я увидел, что везде царит кромешная тьма.

Выругавшись, я на ощупь отыскал спички и зажег карбидную лампу, которую мы использовали только в чрезвычайных ситуациях. Я как раз переодевался в сухие трусы, когда в палатку вошел дядя Эм.

– С тобой все в порядке, сынок? – спросил он.

– Да, – кивнул я. – Что случилось?

– Молния ударила в какие-то провода и подожарила дизельный генератор. Сегодня его не починят – вся обмотка сгорела. Гроза закончилась, но напоследок выстрелила по нам.

Когда он ушел, я достал журнал с детективными историями и попробовал почитать. Но меня все сильнее клонило в сон. Снова начался легкий дождик, который то прекращался, то моросил. Сквозь тихий стук дождя я услышал, как бьют часы, а затем далекий свисток поезда. Тихо шипела карбидная лампа, мягко гудел дождь, скучный рассказ все больше усыплял меня... и в конце концов уснул.

Мне кажется, выстрела я не слышал. Если и слышал, то его звук затерялся в снах, которые мне снились, а это я плохо помню.

Меня разбудил голос дяди Эма.

– Эд! – позвал он с порога. – С тобой все нормально?

Я сел на койке.

– Ну да... А что?

– Только что раздался выстрел. Я подумал, может...

Он не договорил. Видимо, дядя решил, что я взял ружье тридцать второго калибра, которое он хранил в сундуке, и оно случайно выстрелило.

Дядя зашел в палатку, за его спиной возник огромный силуэт. Это был Хоуги. Он наклонил голову, чтобы не задеть головой потолок.

– Говорят, стреляли где-то возле шатра сайд-шоу. Ты идешь туда, Эм?

Видимо, именно туда дядя Эм и отправился, поскольку я вдруг остался в палатке один. Все еще пребывая в полусне, я опустил ноги на пол и натянул сапоги. Снаружи доносилось множество голосов и чавкающий звук шагов по раскисшей земле. Дождя больше не было слышно.

Я быстро накинул дождевик прямо на голое тело. Это было неприятно, на коже он казался холодным и липким. На ходу застегивая плащ, я выскочил на улицу, обогнул наш киоск и выбрался на аллею. Все еще моросил мелкий дождик.

Я влился в поток людей, двигавшихся в направлении шатра сайд-шоу. У многих в руках были фонарики. Конечно, я не удосужился захватить свой фонарик, поскольку спросонья не сообразил, что на аллее темно, хоть глаз выколи. Но, следуя за остальными, умудрился дойти до шатра сайд-шоу и даже ни обо что не споткнуться.

Забор, окружавший шатер, я нашел довольно легко – просто в него врезался. Я перелез через забор, на ощупь отыскал дорогу к полотну, умудрившись не запутаться, и пролез под боковой стеной.

Внутри было светло. Неровные танцующие лучи примерно двадцати фонариков заливали помещение тусклым светом. Но одно место, в самом центре, было освещено очень ярко.

Вокруг толпилось много людей. Мне не было видно, что они там рассматривают. Приблизившись к плотному кольцу, окружавшему это место, я встал на цыпочки и вытянул шею, пытаюсь заглянуть поверх голов.

В этот момент стоявший передо мной человек отошел, и я разглядел то, что лежало в траве. Лучше бы я этого не видел.

На траве, лицом вниз, лежал ребенок, совсем голый. Судя по всему, мальчик, лет шести-восьми. У него была очень бледная кожа и коротко подстриженные темные волосы.

Из спины у него торчала рукоятка ножа. Тяжелая. Нож напоминал один из тех метательных ножей, которыми пользовался в своем выступлении Австралия. Мальчик был мне не знаком. По крайней мере со спины я его не узнал.

Сзади напирала другие люди, некоторые из них взволнованно обсуждали происшествие. Напротив меня Папаша Дженни опустился на колени и приложил руку к плечу мальчика.

– Мертвее не бывает, – произнес он. – Совсем холодный.

Он быстро отнял руку. Кто-то сказал: «Господи Иисусе!», и это прозвучало вполне искренне.

– Не трогайте его, – проговорил кто-то третий. – Не передвигайте тело!
Еще упомянули копов, выругались.

Я попятился и вышел из кольца людей. Неподалеку стояла другая группа, поменьше, и там я заметил дядю Эма и Хоуги. Они собрались вокруг кого-то, кто сидел на краю платформы уродов. Человек всхлипывал с таким надрывом, будто вот-вот готов был впасть в истерику. Судя по звуку, это была девушка. До смерти перепуганная девушка.

Мне и самому было не по себе. Конечно, я не испугался, как та девушка, но меня слегка мутило.

Я отошел к выходу и прислонился к рекламной сцене, гадая, кто, черт возьми, мог прирезать мальчишку и зачем. Пытался определить, что это за мальчишка, но не мог. Странно, ведь в цирке было много детей, и я полагал, что знаю их всех, если и не по имени, то хотя бы в лицо.

Среди цирковых детей мне особенно нравился один мальчишка такого возраста и комплекции, паренек по прозвищу Джигабу, который танцевал чечетку в шоу. В свои семь лет Джигабу чувствовал ритм ногами лучше, чем Крупа руками. Но этот ребенок с мертвенно-белой кожей был не Джигабу. Исполнитель чечетки был черный, как уголь.

И все же, подумал я, мальчишка, который лежит там, наверняка из цирка, а не из города. Городской ребенок мог оказаться возле палатки интермедии в столь поздний час, но уж никак не без одежды. А вот для циркового ребенка это было не так уж странно. Многие работники нашего цирка в жару спят голышом. Ребенок тоже мог, однако...

Через минуту-другую тошнота прошла, и хотя во рту все еще ощущался неприятный привкус – в прямом и переносном смысле, с обедом я пока расставаться не собирался.

Я услышал, что меня зовет дядя Эм, крикнул ему в ответ: «Да» и собрался вернуться в шатер, когда дядя Эм, Хоуги и девушка вышли мне навстречу. Девушка шла между ними, они обнимали ее за плечи. Она была в длинном непромокаемом плаще зеленого цвета, зеленом берете и заляпанных грязью тапочках на высоком каблуке. На плаще и обнаженных ногах тоже виднелись обильные следы грязи. Девушка слегка наклонялась вперед, закрыв лицо руками, и все еще тихонько всхлипывала.

Дядя Эм тихо разговаривал с ней.

– Рита, – сказал он, – ты знакома с моим племянником Эдом? Его зовут Эд Хантер, такая же фамилия, как у меня. Послушай, он хороший парень. Покатайтесь с ним по городу, пока тебе не станет лучше. Пусть он на время увезет тебя отсюда.

Девушка перестала плакать и опустила руки. Теперь я узнал ее. Это была одна из новых девушек в стрип-шоу, которая поступила на работу к нам в цирк в Луисвилле и выступала всего неделю. Я видел ее пару раз. Я вспомнил, что она симпатичная, хотя сейчас, когда все лицо у нее распухло от слез, а на щеках виднелась грязные потеки, о ней трудно было такое сказать.

– Привет, Эд, – промолвила она и попыталась улыбнуться.

Я забыл о неприятном чувстве в животе и во рту и улыбнулся в ответ. Мне пришло в голову, что, возможно, убитый мальчишка приходится ей братом или еще каким-нибудь родственником. Но уж точно не сыном – она была не намного старше меня, а то и вообще ровесница. У нее никак не могло быть ребенка такого возраста. На вид ей можно было дать не более восемнадцати лет.

Дядя Эм оставил ее с Хоуги и приблизился ко мне. Взяв меня за руку, он наклонился, чтобы другие не слышали его слов, и тихо произнес:

– Это она обнаружила мальчишку, Эд. Споткнулась о труп в темноте, когда шла через шатер. Наверное, в нужник. Она чуть с ума не сошла. Послушай, отвези ее...

– Кто этот парень, дядя Эм? – спросил я. – Ты его знаешь?

– Нет, но забудь об этом. Слушай, я хочу пока тут покрутиться, и Хоуги тоже. Он даст тебе ключи от машины. Она стоит перед его трейлером, но не прицеплена. Покатай девочку, отвлеки ее от случившегося. – Он улыбнулся и на мгновение стал похож на веселого сатира. – Помоги ей сосредоточиться на чем-то другом. Может, тебе что-нибудь придет в голову.

– Конечно, – согласился я. – Но... ведь она обнаружила тело... разве копы не придут в ярость, узнав, что ее нет на месте?

Дядя раздраженно покачал головой:

– Мы обо всем позаботимся. Если копы начнут ее допрашивать в таком состоянии, у нее начнется настоящая истерика. Так что пусть ждут. Черт подери, я бы сказал, что это я нашел труп, да только слишком много народу слышало выстрел...

– Дядя Эм! – Я совсем забыл о выстреле, пока он о нем не напомнил. – Ведь мальчишку резали. Что же это был за выстрел?

– Пистолет Риты. Маленький, с перламутровой рукояткой, он лежал у нее в кармане плаща. Она взяла его с собой, потому что боится ходить в темноте, когда все ярмарочные огни погасли. Не привыкла еще к балагану. Она держала руку в кармане, на пистолете, и он выстрелил, когда она в темноте споткнулась о мальчишку.

– Рита не пострадала?

– Даже порохового ожога не получила. Пуля ушла в землю перед ней, пока она падала. Продырявила карман, но больше ничего. А теперь прекрати задавать дурацкие вопросы и убирайся отсюда!

Я повернулся, и Хоуги вручил мне ключи от машины.

– Готова, Рита? – спросил я.

– Да, Эдди, идем. – Ее голос все еще дрожал, но уже не так сильно.

Дождь сменился легким туманом, который затягивал лобовое стекло, едва лишь проворные «дворники» успевают стереть предыдущий слой. По краям, за пределами досягаемости «дворников», лобовое стекло стало непроницаемым, словно матовое. Заднее и боковые стекла старенького седана были в таком же состоянии. Мы оказались в маленьком прямоугольном мирке, принадлежавшем только нам, отгороженном от влаги и темноты, царивших снаружи. Все это мы могли наблюдать только через полукружия, создаваемые «дворниками» на лобовом стекле.

Рядом со мной сидела красивая девушка, но в тот момент это не имело значения, поскольку я должен был полностью сосредоточиться на сверкающей полоске дороги впереди, на которой постоянно возникали неожиданные повороты. Все мое внимание было направлено на то, чтобы следить за этой извивающейся асфальтовой полосой и удерживать на ней машину.

Но вскоре я с удивлением подумал: куда я так спешу? Убрав ногу с педали, снизил скорость и улыбнулся сидевшей рядом девушке. Она ответила мне тем же.

– А я-то никак не могла понять, куда ты так торопишься, – произнесла Рита.

Она придвинулась ближе, и я слегка приобнял ее. Это казалось совершенно естественным. В любом случае было приятно.

Автомобиль съехал на обочину дороги и остановился. «Дворники» перестали работать, и мы оказались полностью отрезаны от внешнего мира в нашей маленькой прямоугольной вселенной в салоне. Я повернулся и посмотрел на Риту. Она была очень красивая, даже сейчас, когда дождь смыл с лица весь макияж. У нее были голубые, слегка затуманенные глаза. Ее спокойный взгляд встретился с моим.

– Давай не будем, Эдди, – промолвила она.

– Ладно, – кивнул я. – Буду вести себя хорошо.

– Потому что... ты мне нравишься, Эдди.

- Я рассмеялся:
- Веская причина!
 - И я хочу, чтобы ты продолжал мне нравиться. Может, это звучит глупо, но... И пожалуйста, Эдди, перестань на меня смотреть. Я знаю, что вся в грязи и выгляжу ужасно.
 - Я бы так не сказал, – заверил я. – Ну... не совсем так...
 - Все равно не смотри.
 - Хорошо, – произнес я и, наклонившись вперед, выключил огонек на приборной панели. – Теперь я ничего не вижу. Довольна?
 - Только не вздумай пустить в ход систему Брайля... Прости, Эдди.
 - За что?
 - Я говорю вульгарно. Наверное, я чувствую потребность защищаться с тех пор, как неделю назад стала работать в цирке. Все мужчины-циркачи такие... сволочи.
 - Не все. Например, мой дядя и Хоуги...
 - Я не про Хоуги. Он мне вроде как дядя. Не родной, но он знал моих родителей, а Мардж дружила с моей матерью. Это он устроил меня на работу в цирк. И вообще, они с Мардж так помешаны друг на друге, что никому и в голову не придет подозревать Хоуги в том, что он начнет подкатывать к другой женщине.
 - Да, мне тоже нравится Мардж.
 - А твой дядя... Я с ним до сегодняшней ночи не виделась. Кто он и чем занимается?
 - Эмброуз Хантер, – ответил я. – Но зови его просто Эм, а то отшлепает. Он, в общем-то, лучший человек на свете.
 - Мне хотелось бы познакомиться с ним.
 - Познакомишься. Есть и другие хорошие парни. Например, Ли Кэри, фокусник из сайд-шоу. Тебе нравится свинг?
 - Конечно.
 - У Кэри есть граммофон и отличные пластинки. Как-нибудь сходим послушаем. И он тебе понравится. Гарантирую, что Кэри не будет к тебе клеиться.
 - Почему?
 - Ну, потому что...
 - Хочешь сказать, если он и стал бы к кому-то клеиться, то это был бы ты?
 - Этого он тоже не стал бы делать, – ответил я. – Не стал бы, потому что... Черт возьми, давай забудем об этом. Ты почти правильно угадала. Но он хороший парень и наверняка тебе понравится.
 - Значит, как-нибудь послушаем его пластинки. Но другие циркачи, которых я встречала...
 - По-моему, ты их неправильно поняла, Рита. В разъездном цирке, разумеется, не такие нравственные ценности, как в пресвитерианской церкви в Библейском поясе¹. Но если ты окажешься в затруднительном положении, большинство циркачей отдадут тебе свою последнюю рубашку – и совсем не потому, что чего-то ждут взамен.
 - Ну-у... может, ты и прав.
 - Конечно, прав. Видимо, твое знакомство с ними началось не совсем удачно, вот ты их и осуждаешь. Чтобы поладить с ними, ты должна научиться смотреть на вещи с их точки зрения. Они... если можно так выразиться, по-честному нечестные.
 - Хочешь сказать, они не дают дуракам равные шансы?
 - Я не совсем это имел в виду, но...
 - Я в это верю, Эдди. Когда-нибудь я найду себе дурака. Богатого. Не собираюсь всю жизнь быть бедной. Я выросла в нищете, и с меня хватило.

¹ Регион на юго-востоке США, где широко распространен протестантизм. – *Здесь и далее примеч. пер.*

Рита говорила серьезно. В ее голосе прозвучала злость.

– Думаешь, я охотница за чужими деньгами? – спросила она. – Что ж, так и есть.

– Ничего страшного. Ты охотница за чужими деньгами. Не переживай так по этому поводу. Положи голову мне на плечо и расслабься.

Она тихо засмеялась, а потом опустила голову мне на плечо.

– Ты забавный, Эдди. Ты мне нравишься. Жаль, что ты не богат, а то я бы за тебя взялась. Но ты ведь не богат?

– У меня есть девятнадцать долларов и тромбон, – усмехнулся я. – На мой взгляд, я богат. Ах да, еще у меня есть один приличный костюм, но я сейчас не в нем, а жаль, потому что становится холодно. А у меня под дождевиком ничего, кроме трусов. Я спал, когда возникла вся эта заваруха.

– Я тоже. То есть я легла спать, потом проснулась, потому что мне нужно было в... Как вы, циркачи, это называете?

– Нужник, – ответил я. – Послушай, давай не будем о том, что произошло. Я должен отвлечь тебя.

– Со мной уже все в порядке, Эдди, не волнуйся. Просто у меня там... началась небольшая истерика. А теперь я уже могу спокойно говорить об этом.

– Тогда, может, тебе даже станет лучше, если мы побеседуем. Ты всегда носишь с собой пистолет в туалет?

– Конечно, нет! Не говори глупостей. Я взяла его, потому что погас свет, а я не могла найти фонарь. Я боюсь темноты, Эдди. То есть боюсь находиться в темноте одна. Сейчас мне не страшно. Обычно я не сплю в цирке. У меня есть комната в отеле в центре города. Но сегодня Дарлин попросила меня остаться.

– Дарлин? Это такая с рыжими волосами?

– Да. Ее парень уехал из города на пару дней, а ей сегодня было нехорошо, вот она и попросила меня переночевать у них в фургоне. Я проснулась час назад и не смогла найти фонарь, но не хотела будить Дарлин. Но я знала, где Уолтер хранит пистолет – видела раньше, когда Дарлин открывала ящик. Вот я его и взяла.

Рита снова слегка задрожала, наверное, потому, что мысленно вернулась к случившемуся. Я обнял ее крепче и произнес:

– Не думай об этом, Рита.

– Да говорю же, Эдди, я уже пришла в себя. Просто мне холодно. У меня под плащом надето не больше, чем у тебя, и я замерзаю.

– Хорошая картина получится, если мимо проедет полиция и арестует нас за парковку в неправильном месте. Кроме того, полиция, наверное, уже приехала в цирк. Копы начнут злиться, что тебя так долго нет. Может, вернемся?

– Давай.

– Ты уверена, что с тобой все хорошо и ты готова разбираться с последствиями?

– Да, Эдди. Поцелуй меня. Один раз, по-настоящему. А потом поедем назад.

Я поцеловал ее, один раз, по-настоящему. Было очень приятно. Я почувствовал легкую встряску. Ничего подобного не ожидал.

– Ты уверена, что нам нужно возвращаться? – прошептал я.

– Да, Эдди. Прошу тебя.

– Ладно. Но может быть, когда-нибудь?

– Может быть, когда-нибудь.

Я повернул ключ в замке зажигания, нажал на стартер, и «дворники» снова заскользили по лобовому стеклу, вперед-назад, словно пьяный метроном. Я и сам чувствовал себя немного навеселе.

И мне снова пришлось сосредоточиться на том, чтобы не слететь с сияющей полосы дороги, так что на обратном пути мы вообще не разговаривали.

Глава вторая

Территория цирка светилась огоньками. Генератор пока не починили, но циркачи где-то откопали масляные и карбидные лампы и развесили их в особо важных местах. Все это выглядело как-то странно – в том смысле, что пространство между пятнами света казалось еще темнее и страшнее.

В фургоне Хоуги горел свет. Когда я припарковался, оттуда вышел дядюшка Эм. Он открыл дверцу автомобиля и произнес:

– Здорово, детки! Как луна?

– Ярко светит, – ответил я.

– Мне уже лучше, – сказала Рита. – Все хорошо, Эм?

– Чудесно. Приехала полиция и взяла ситуацию под контроль, если можно так выразиться. Они устроились в шатре шоу уродов. Просили тебя зайти к ним, но только для того, чтобы ты ответила на несколько стандартных вопросов.

– Может, мне пойти с ней, дядя Эм? – спросил я.

– Не лезь в это дело, Эд. Я объяснил им, что мы отправили Риту покататься по городу, но не стал говорить, с кем. Так что ты можешь просто по-тихому скрыться у себя в палатке.

Эта идея мне понравилась, потому что я промок до нитки. Внутри дождевик был таким же мокрым, как и снаружи, да еще и противно прилипал к телу.

– Большое тебе спасибо, Эд, – промолвила Рита. – До завтра.

Она подала мне руку, и я улыбнулся:

– Не за что. До завтра. – И проводил ее взглядом до шатра шоу уродов.

Я немного постоял, дрожа от холода, а затем ушел в нашу палатку, где вытерся полотенцем, бросил на койку пару одеял и забрался под них.

Очень хотелось спать, но когда вошел дядя Эм и начал раздеваться, я сказал: «Привет», – чтобы дать ему знать, что не сплю.

– Тебе понравилась Рита? – спросил он.

– Ну... она ничего...

– Что-то не слышу энтузиазма. Или я ошибаюсь? В любом случае не влюбляйся в нее слишком сильно. Она из тех, кто охотится за деньгами.

– Рита мне так и сказала. Говорит, будь я богат, она бы за меня взялась.

Дядя Эм медленно покачал головой:

– Это опасно, малыш. Когда с тобой говорят честно, это опасно.

По его голосу трудно было понять, серьезно он говорит или шутит.

– Значит, не опасны только те девушки, которые врут?

– Опасны, но по-другому.

Дядя Эм встал и погасил карбидную лампу. Койка скрипнула под тяжестью его тела.

– А кем был тот мальчишка? – спросил я.

– Какой мальчишка?

– Которого убили, разумеется. Он из цирка?

– Черт возьми! – воскликнул дядя Эм. – Я и забыл, что тебя тут не было. Это не ребенок, Эд. Убили лилипута.

Я резко сел на постели. Лилипут! Это могло означать лишь одно. В цирке работал только один лилипут.

– То есть это Майор? – уточнил я.

– Нет. Убитого никто не знает. Этот лилипут не из цирка, Эд. Никто здесь его прежде не видел.

Сначала я подумал, что дядя шутит. Это казалось абсурдным. Лилипута, который не работал в цирке, нашли с ножом в спине и без одежды в шатре шоу уродов! И никто из циркачей даже не знал, что этот лилипут здесь. Безумие! Но я понял, что дядя Эм не стал бы шутить на подобную тему.

- А где его одежда? – спросил я. – Ее нашли?
- Нет.
- Но что, черт возьми...
- Нас с тобой это не касается, Эд! Пусть копы об этом беспокоятся.
- Ладно, – кивнул я, снова улегся и вскоре заснул.

На следующее утро я встал рано. Не знаю, что заставило меня проснуться, а потом я начал размышлять о разных проблемах и больше не смог заснуть. Дядя Эм всегда говорит, что думать вредно, это одно из его любимых изречений. Мысли опаснее, чем выпивка, но безобиднее, чем марихуана. Где-то посередине. Конечно, это он не всерьез.

Я надел свой лучший костюм, сам не знаю зачем. Дядя Эм еще спал.

Снаружи небо было затянуто серыми облаками, но дождь закончился. Несмотря на раннее утро, было жарко и душно. Ни малейшего дуновения ветерка. Полотно шатров висело неподвижно, словно было выточено из серого камня того же цвета, что и небо. Я стоял на влажной траве перед палаткой и недоумевал, какого черта вылез из постели в такую рань. Наверное, чтобы не думать.

Я подвернул брюки, чтобы не вывалить их в грязь, и вышел на аллею. Возле карусели несколько человек сбрасывали в грязь опилки с грузовика. Кроме них, никого не было.

Я добрался до конца аллеи, где стоял фургон Хоуги. Я знал, что обычно Мардж встает рано. Самому себе я мог честно признаться, что хотел увидеться с ней только для того, чтобы поговорить о Рите.

Однако в фургоне Хоуги было темно – никаких признаков жизни. За поворотом в трейлере Уолтера и Дарлин дело обстояло так же. Но я не рассчитывал, что Рита уже проснулась. Наверное, она легла гораздо позднее меня.

Я вышел обратно на аллею. Хотелось пошлепать по лужам, но я не стал этого делать. Я обогнул бассейн с вышкой для прыжков в воду. Задрал голову, посмотрел вверх и содрогнулся при одной мысли, что можно подняться туда и прыгнуть с такой высоты в резервуар глубиной четыре с половиной фута. Сам-то я, конечно, никогда и не помышлял оттуда прыгать, но иногда мне это снилось.

На аллее я увидел незнакомого человека перед шатром шоу уродов. Он сидел на краю рекламной сцены и курил сигарету. Это был здоровяк с глуповатым выражением лица. Он был похож на копа. Подойдя достаточно близко, чтобы рассмотреть его ботинки, я решил, что, скорее всего, он действительно полицейский. Но я подумал, что поговорить даже с тупым копом все-таки лучше, чем вообще ни с кем; разумеется, если он захочет разговаривать.

- Привет, – произнес я.
- Привет, – ответил он.

Мне понравилось, как он это сказал: в его тоне не было ни чрезмерного интереса, ни особого энтузиазма, просто обычное дружелюбие, поэтому я остановился.

- Полицейский? – уточнил я.
- Как видишь, – кивнул он. – Стараюсь одеваться так, чтобы соответствовать образу.

Порадовать дураков.

- Все пошло даже лучше, чем я ожидал. Я присел на рекламную сцену и спросил:
- Как дела?

– Паршиво, – вздохнул он. – Помощи от этих чертовых циркачей не дождешься. Ты что, тоже циркач?

– Да. Говорят, убитый был лилипутом. Кто он такой?

– Мы не знаем. Пораскинь мозгами. Его никто не знает. Никто никогда его раньше не видел и даже не слышал о нем. Черт подери! У нас на руках мертвый урод в чем мать родила, а о нем никто и слыхом не слыхивал. Так, во всяком случае, они утверждают.

Он бросил сигарету в мокрую траву, достал смятую пачку, вытащил новую сигарету и щелкнул зажигалкой, пламя которой подскочило вверх на четыре дюйма.

– Звучит, конечно, глупо, – заметил я. – Но я проработал в цирке весь сезон. У нас здесь только один лилипут.

– Вот-вот, все так говорят. А ты где находился, когда началась эта катавасия? Что-то не припомню, чтобы я видел тебя прошлой ночью. Или все-таки видел?

– Я спал, – ответил я. – Рано лег. Даже выстрела не слышал, но дядя разбудил меня, когда зашел в палатку, чтобы...

– Подожди! Сделаем все официально, сэкономим время. – Он достал из кармана блокнот и карандаш и приготовился задавать вопросы. – Имя?

– Эд Хантер, – произнес я. – Девятнадцать... почти двадцать лет. Работаю в цирке чуть менее года. Живу с дядей, Эмброузом Хантером. У него свой киоск с призовой игрой.

– Да-да, помню его. Невысокого роста, полноватый?

– И умный. Это он.

– То есть вы оба ночуете прямо в цирке, в палатке за киоском?

– Ага, – ответил я и рассказал ему, как проснулся и отправился в шатер сайд-шоу вслед за дядей Эмом прямо в дождевике поверх трусов и как увидел труп.

Потом пришлось немного приврать, потому что если дядя Эм не сообщил полиции, что я возил Риту кататься, то и я не мог в этом признаться. Я сказал, что вернулся в палатку и лег спать до приезда полиции.

Мне показалось, будто он посмотрел на меня как-то странно.

– И ты спал всю ночь?

– Естественно.

– Давно проснулся?

– Не очень. Минут пятнадцать-двадцать назад.

– С кем ты говорил с тех пор, как проснулся?

– Ни с одной живой душой, – заверил я.

Полицейский положил блокнот обратно в карман и окинул меня долгим взглядом, который мне не понравился. Затем опустил голову и сказал, ни к кому не обращаясь:

– Черт возьми! – И снова посмотрел на меня. – Вы, циркачи, не любите копов, правда?

Вопрос застал меня врасплох.

– Многие, наверное, не любят, – пробормотал я.

– Почему?

– Они... мы... считаем, что закон направлен против нас, потому что полиция арестовывает наши лучшие киоски в большинстве городов, где мы выступаем, и...

– Разве мы мешаем честным, законопослушным и достойным людям?

– Ну...

– Сам подумай: во что превратится передвижной цирк, если ему позволить делать все что вздумается и никому не будет до этого дела? Ваши игры типа «брось монетку», которые и так граничат с азартными, превратятся в мошенничество типа игры «в скорлупки» или «три карты», а это сплошное воровство, ведь там все так подтасовано, что с таким же успехом вы могли бы отбирать у дураков деньги под дулом пистолета. Ваши куч-шоу превратятся в

откровенный стриптиз, да на задах еще поставите палаточки для клиентов, которые захотят поближе познакомиться после...

– С чего, – перебил я, – вы взяли, что в цирке работают шлюхи? Это не так.

– Потому что закон не позволяет... – Он помолчал. – Ну, не смотри на меня так. Я не имел в виду тех девушек, которые работают у вас сейчас. По крайней мере, не всех. Я хотел сказать, что цирк стал бы нанимать шлюшек, которые бы всем давали. А киоски с сахарной ватой торговали бы травкой, а не воздушным сахаром, а эти ваши сайд-шоу... Черт побери, давай не будем об этом.

– Если в цирке творятся вещи, которые нарушают закон, то только потому, что народу нравится на это глазеть. Вашим же горожанам.

Коп вздохнул:

– Эд, если бы большинство горожан хотели поучаствовать в азартных играх и поглазеть на всякие непристойности, все это творилось бы в городе. Никому не пришлось бы идти за этим в цирк. – Он окинул меня угрюмым взглядом. – Значит, копы вам не по душе, вот вы и врете им напрапалую.

– Что вы хотите сказать?

– Вчера ты лег спать до нашего приезда, верно? И утром ни с кем и словом не обмолвился? Но ты и без меня знал, что убитый – лилипут, а не ребенок. Каким образом? Никто этого не знал, пока мы не приехали и не перевернули тело.

– Вот черт! – скривившись, пробурчал я. Меня тошнило от собственной тупости. – Я проснулся, когда дядя Эм ложился спать. Он мне и рассказал.

– Ясно, – кивнул коп, как будто поверив мне. Он сдвинул шляпу назад. – Ты не знал убитого лилипута?

– Нет, – ответил я. Выражение его лица изменилось, и я поспешно добавил: – Не нужно злиться. Лица его я не видел, но я все равно уверен, что не знаю его. Причина проста: я не знаю ни одного лилипута, кроме Майора Моута, а дядя Эм сказал, что это не Майор.

– Хорошо, Эд. Но мне нужно, чтобы ты посмотрел фото, которое мы сделали вчера ночью. Просто для протокола. – Коп вынул из кармана фотографию и протянул ее мне.

Я взял и посмотрел на нее. Таковую картинку на стену не повесишь. На ней было изображено маленькое сморщенное мертвое лицо с открытыми, уставившимися в никуда глазами. Судя по его выражению, лилипут понимал, что нож вот-вот вонзится ему в спину. Фото сделали там же, где он лежал, разве что перевернули лицом вверх. Трава у него под головой была примята. Я вернул полицейскому фотографию.

– Нет, – произнес я. – Я его не знаю. Никогда прежде не видел.

– Тогда последний вопрос, Эд. Ты не заметил вчера ночью ничего необычного? Чего-нибудь, что выходило бы за рамки обыденного?

– Ничего, кроме того, что молния поджарила генератор. Подобное случается не каждую ночь.

– Да, это мы знаем. Хорошо, Эд, спасибо.

Коп как будто отпустил меня, но я не собирался уходить. Собственно, мне и некуда было идти.

– Вы что, пробыли здесь всю ночь? Вы когда-нибудь спите?

– Иногда. Не напоминай мне об этом, а то начну зевать. А ведь я еще даже не начал делать мир безопасным для лилипутов. Во сколько открывается ваша жральня?

– Обычно часов в десять.

Он достал большие карманные часы из золота и посмотрел на них.

– Что ж, до этого я доживу. А может, и дальше буду жить, если мне в яичницу не подсыпят мышьяк. Как думаешь?

– Это они могут, – усмехнулся я. – У одного из поваров две судимости. Ладно, до встречи.

Я направился к воротам. Разговоры о завтраке навели меня на мысль, что я и сам не прочь поесть, но ждать до десяти часов не хотелось. На остановке, всего в одном квартале от цирка, стоял автобус. Я сел в него и поехал в город.

В автобусе я придумал кое-какие достойные ответы на те неприятные замечания, которые коп отпустил по поводу цирка. Хорошие ответы всегда приходят в голову, когда уже слишком поздно. И еще я кое-что понял: неважно, был ли он прав насчет цирка или нет, но тупым копом он не был. И плохим парнем тоже.

Сойдя с автобуса в центре города, я заметил, что Эвансвилл вовсе не так мал, как я предполагал. Не Чикаго, конечно, и не такой большой, как Луисвилл, но все-таки не деревня. Я позавтракал в кафетерии, почистил обувь, на которой все еще виднелись следы вчерашней грязи, а затем прогулялся по центральной улице, осматриваясь. На часах было всего одиннадцать, кинотеатры еще не открылись. Оставалось только бесцельно слоняться по городу, разглядывая витрины музыкальных магазинов, галантерейных лавок, даже магазинов с нижним бельем.

Хотелось выкинуть из головы неприятные мысли, но не получалось. Даже нижнее белье не могло отвлечь меня от того, о чем я старался не думать: лица мертвого лилипута. Вскоре я сказал себе: ладно, значит, подумай об этом и забудь. Это тебя не касается, ты его даже не знал. В конце концов, купи газету и почитай об убийстве, если тебе станет легче. Ведь именно это ты и собирался сделать, не так ли?

Я купил газету. Там действительно все было написано под заголовком: «В ЦИРКЕ УБИТ ЛИЛИПУТ».

Я зашел в холл отеля и, усевшись в кресло, прочитал репортаж, из которого не узнал ничего нового, кроме имен детективов, ведущих расследование. Начальника полиции звали Гарри Стратфорд, а капитана детективов – Армин Вайсс. Видимо, кого-то это могло заинтересовать.

Статья сопровождалась двумя снимками, маленьким и большим, соединенными друг с другом под углом сорок пять градусов. Маленький изображал мертвого лилипута на траве – голову и плечи, – это была та же фотография, которую мне показал полицейский в цирке. На большом снимке был изображен неровно освещенный изнутри шатер шоу уродов. Фото сделали после того, как убрали труп, но место отметили крестом. Шатер был снят изнутри, и на фото можно было разглядеть пустые сцены, траву, полотно и шесты – больше ничего. В том смысле, что людей там не было. То ли полиция к тому времени велела очистить шатер, то ли циркачи сами ушли, когда фотограф стал снимать.

Я снова посмотрел на заголовок: «В ЦИРКЕ УБИТ ЛИЛИПУТ». Казалось, все так просто. Где еще, по логике, можно обнаружить убитого лилипута? Только это было неправильно: не хватало одного слова. Должно было быть так: «В ЧУЖОМ ЦИРКЕ УБИТ ЛИЛИПУТ».

Одно-единственное слово перевело это дело из области обыденного в область абсурда.

Я задумался над тем, каково это – быть лилипутом. Самому себе ты лилипутом не кажешься. Это все остальные – великаны. И каждый достаточно велик, чтобы схватить тебя и раздавить. Или воткнуть нож в спину...

Я вспомнил, как выглядело его мертвое лицо, и снова подумал: он знал, что сейчас в него вонзится нож. Но не закричал – по крайней мере, никто этого не слышал. Может, какой-нибудь исполин вдвое выше и вчетверо тяжелее его схватил несчастного, зажал рот рукой и...

Не хотелось об этом думать. Чтобы отвлечься, я прочитал остальные статьи в газете. На заправочной станции произошло ограбление, еще где-то – кража со взломом. Все это казалось довольно скучным.

За сотню миль отсюда, в Луисвилле, произошло похищение. Семилетнего сына Джеймса Р. Порли, главы компании «Порли косметикс», выкрали из постели, оставив на подушке записку с требованием выкупа в пятьдесят тысяч. На мой взгляд, это почти такое же мерзкое преступление, как убийство. И – как и в случае с убийством лилипута – кто-то выбирал жертву слабее себя.

В Калькутте прошли уличные беспорядки. Кандидат, не прошедший в законодательные органы штата Иллинойс, подал в суд по поводу подтасовки результатов выборов.

Я сделал то, что следовало бы сделать с самого начала: пролистал страницы до раздела с комиксами. А потом посмотрел анонсы кино. Интересно, будет ли еще дождь? Если будет, можно и в кино сходить, раз я уже в городе. Если нет, надо бы вернуться в цирк и помочь дяде Эму.

Я встал, подошел к окну холла и посмотрел на улицу. По кусочку неба, видневшемуся между двумя зданиями напротив, понять что-либо было невозможно. Небо было цвета старого металла, как и утром. Ни единой тучи, сплошная серость. Может, дождь будет идти весь месяц, а может, до конца лета не прольется ни капли.

Черт, подумал я, ощущая тревогу. Я хотел чем-нибудь заняться, но не знал, чем именно. Иногда накатывает такое настроение, когда просто не понимаешь, куда себя девать, все кажется бессмысленным. Я одновременно хотел и не хотел возвращаться в цирк.

Я повернулся и посмотрел на часы над регистрационной стойкой, чтобы проверить, наступил ли уже полдень. Оставалась еще четверть часа. Возле стойки я заметил девушку, которая о чем-то говорила с клерком и протягивала ему ключ. Таковую, как она, вряд ли можно было встретить в Эвансвилле – по крайней мере, если судить по ее виду со спины. Девушка выглядела на миллион долларов золотом. Волосы до плеч, стриженные под пажа, были именно такого цвета. Платье из розовато-лилового шелка облегало изгибы ее тела, как купальники на девушках с картин Джорджа Петти. Она была так же далека от этого мира, как соло на трубе в исполнении Луи Армстронга.

Я сразу забыл о погоде и виде из окна и с нетерпением ждал, когда девушка повернется, чтобы посмотреть, так ли она хороша спереди, как сзади.

Не то чтобы у меня были на ее счет какие-то намерения: я-то лишь начинающий циркач с восемнадцатью баксами в кармане – и это все мое состояние, – но даже если не брать в расчет деньги, я в любом случае не на ее уровне. Ну, вы понимаете, о чем я.

Скажем так: холл отеля выглядел вполне прилично – хорошая мебель, неплохая отделка, – пока не появилась она, и контраст с ней превратил это место в жалкую ночлежку. Со мной она сотворила то же самое: до встречи с ней я был неплохо одетым симпатичным парнем, но рядом с ней я бы почувствовал себя школьником, который вышел на улицу в той же одежде, в которой спал. В общем, вот о чем я думал, а потом девушка обернулась, и я все понял. Спереди она выглядела именно так, как я и ожидал, неожиданным оказалось только одно: я ее узнал. Это была Рита.

Не знаю, так ли это, но, по-моему, я раскрыл рот от изумления. Так я себя чувствовал. Она направилась к выходу, потом заметила меня и улыбнулась. Немного сменив направление, подошла ко мне и произнесла:

– Привет, Эдди!

По крайней мере ее голос не изменился с прошлой ночи.

Я что-то промямлил в ответ.

– Как ты узнал, где я живу, Эдди?

– Я не знал, – ответил я. – Зашел сюда, чтобы переждать дождь, только вот дождя не было. Послушай, может, я куплю тебе выпить или что-нибудь еще?

Рита на секунду задумалась:

– Давай позавтракаем? Ты уже ел?

– Нет.

Мы взяли кофе с пончиками в кофейне в холле отеля. Я поглядывал на Риту, все еще не веря своим глазам. Неужели пятна грязи на обуви и лодыжках, бесформенный дождевик и заправленные под берет волосы могут настолько изменить человека? Пока мы пили кофе, она спросила:

– Эдди, полиция что-нибудь выяснила о прошлой ночи?

Я покачал головой:

– Судя по репортажу в газете, нет. Даже личность убитого не установили.

– Но ведь это не так сложно. Вряд ли вокруг очень много лилипутов, верно?

Когда-то я обсуждал жизнь лилипутов с Майором Моутом, поэтому сейчас был готов ответить на вопрос Риты.

– В Соединенных Штатах их тысячи две, – сообщил я. – В смысле, настоящих лилипутов. Еще есть тысяч пятьдесят карликов.

– А в чем разница, Эдди? Лилипуты ниже ростом, чем карлики?

– Ну... наверное, большинство действительно ниже, но разница не в этом. У лилипута идеальные пропорции. У карлика почти такая же большая голова, как у человека обычного роста, и тело – в смысле, торс, – у них длинное. Но у них очень короткие руки и ноги.

– Ясно. Значит, шоу-бизнесом занимаются только лилипуты?

– Как правило, да. Ни одно сайд-шоу не выставит карлика вместо лилипута. Но в некоторых цирках карлики работают клоунами. И в труппах лилипутов, например в водевиле или на больших цирковых аренах, карлик может выступать как комедиант и для контраста с лилипутами. Иногда из карликов получаются неплохие клоуны.

– Можно мне еще кофе, Эдди?

– Думаю, это мне по средствам. Вчера я сказал тебе, что у меня есть девятнадцать долларов. У меня еще осталось восемнадцать из них.

– Эдди! Ты тратил деньги на других женщин?

– Пока нет. А если мы ограничимся кофе, эта сумма растянется надолго.

– Значит, ограничимся кофе. А иногда еще и пончиком. Никак не могу в это поверить, Эдди.

– Во что? В пончик?

– В то, насколько по-иному ты выглядишь в приличной одежде по сравнению с прошлой ночью.

Я не выдержал и, откинувшись на спинку стула, расхохотался. Конечно, пришлось объяснить, чем вызвано мое веселье, и Рита тоже засмеялась. Она была очень красива, когда смеялась, даже сам смех был красивым. Странно, но вчера я даже не заметил, какой у нее приятный голос.

– Остаток ночи ты провела не с Дарлин? – спросил я.

Она покачала головой:

– С ней, но здесь, в отеле, а не в фургоне. После того как копы меня допросили, я увидела, что Дарлин встала и оделась. Нам обеим не хотелось там оставаться. Мы поехали в город и переночевали у меня в номере в отеле. Но Дарлин отправилась в цирк рано утром, потому что рассчитывала, что сегодня вернется ее муж.

После второй чашки кофе Рита посмотрела на часы.

– Пора возвращаться в цирк, – сказала она. – То есть мне пора. Но сначала у меня кое-какие дела в банке. Это по соседству. Подождешь меня здесь? Если тебе тоже нужно в цирк...

– Нужно. Конечно, подожду.

Кофе уже практически лился у меня из ушей, учитывая, что за час до этого во время первого завтрака я тоже выпил две чашки, но пока я ждал Риту, заказал себе еще одну чашку.

Вскоре мы поехали в цирк на автобусе. Рита заявила, что мы должны беречь мои восемнадцать долларов, и не позволила взять такси.

Глава третья

Когда я вернулся, дядя Эм уже встал и оделся. Он где-то достал опилки и теперь разбрасывал их на земле перед нашей будкой.

– Здорово, парень! – воскликнул он. – В город ездил?

– Ага. Рано проснулся и больше не мог спать. Как тебе погода?

– Может, слегка поморосит. Но работа будет, посетители явятся из города взглянуть на место, отмеченное крестом.

– Значит, ты видел газету?

– Нет. Но я помню уроки географии в школе: место всегда отмечено крестом, а полиция гадает почему.

– Они все еще гадают.

– Если уж ты выбрался в город, почему не остался, чтобы посмотреть кино?

– Я случайно столкнулся с Ритой. Она возвращалась в цирк, вот я и поехал вместе с ней.

– Ясно, – кивнул дядя Эм и внимательно посмотрел на меня. – Осторожнее, парень.

– Ты меня ни о чем таком не предупреждал вчера, когда велел покатать ее на авто. – Я широко улыбнулся. – Так или иначе, мне ничто не угрожает. Она на меня дважды не посмотрит.

– Хватит и одного раза, если она посмотрит, как надо. Не следует себя недооценивать, Эд. Может, ты и не красавец, но внешность у тебя романтическая. Скоро тебе придется отгонять от себя женщин бейсбольной битой.

– Ага, – сказал я. – А больше ничего нового?

Он понял, о чем я, и ответил:

– Не особо. Некоторое время назад заходил Вайсс.

– Вайсс?

– Армин Вайсс, капитан детективов или кто там он у них. Я так понял, он говорил с тобой сегодня утром.

Я кивнул.

– Очень дотошный малый, – продолжил дядя Эм. – Хотел знать, не спал ли ты, когда я ложился вчера ночью. Я сказал, что не спал. Что ты натворил, проговорился о чем-то, чего не должен был знать?

– Именно, – подтвердил я. – Я знал, что убитый – лилипут, хотя объяснил, что отправился спать до того, как приехали копы, и ни с кем утром не разговаривал.

– Я так и подумал. Из тебя бы вышел тот еще преступник.

– Ладно, останусь честным человеком. Между прочим, Вайсс всех нас, циркачей, считает мошенниками.

Дядя Эм усмехнулся и снова принялся разбрасывать опилки.

– Помочь тебе? – спросил я.

– Не в этой одежде.

Я переоделся, но к тому времени, как я вернулся, дядя уже закончил работу и сидел возле стойки, жонглируя тремя бейсбольными мячами, образуя в воздухе маленький аккуратный круг. Я тоже попробовал, но большую часть времени потратил на то, чтобы подбирать их.

– Парень, – произнес дядя Эм после того, как я в десятый раз уронил мяч. – Жонглер из тебя никудышный. Брось ты это занятие.

– Кем же мне стать?

– Может быть, тромбонистом?

– Нет, – возразил я. – У меня нет таланта. Я могу вызубрить отдельные номера, если приложу достаточно усилий, но не умею импровизировать, как настоящие трубачи. Допустим, если кто-нибудь другой за рулем, я могу поехать кататься, но сам рулить не могу.

– Многие музыканты не могут, но на жизнь, однако, зарабатывают.

– Я бы не хотел быть одним из них. Играть-то я продолжу, но не желаю зарабатывать этим на жизнь. Пусть это доставляет мне удовольствие.

Дядя Эм кивнул, и вскоре я опять спросил, на что я, по его мнению, гожусь.

– Может, ты годишься на то, чтобы быть Эдом Хантером. Тебе это никогда не приходило в голову?

Я задумался.

– На этом денег не заработаешь, – заявил я.

Он перестал жонглировать мячами и посмотрел на меня:

– Тебе нужны деньги, Эд? Дела у нас идут неплохо. Я могу тебе немного дать. Сколько ты хочешь? Пятьдесят? Сотню?

Я покачал головой:

– У меня пока есть. Слушай, дядя Эм, ты уверен, что я тебе в ближайшее время не нужен? Я бы сходил погулять.

– Иди.

Я обошел кругом, минуя ворота, где уже появилось несколько человек, пока не очень много. Казалось, вот-вот хлынет дождь. Вспомнил полицейского Армина Вайсса и его не слишком лестные замечания по поводу цирка. При нашем утреннем разговоре они вызвали у меня раздражение. Я разглядывал аттракционы, мимо которых шагал. Что ж, насчет многих из них Вайсс был почти прав. Взять хотя бы игровой тир, попавшийся мне на пути. Спад Рейнолдс брал двадцать пять центов за три выстрела – с довольно близкого расстояния – из винтовки по бубновой карте. Если попадешь по всем бубнам, получаешь приз. Большой приз, который ты сам выбираешь из множества ярких вещей в киоске. Но никто еще не попал по всем бубнам и не взял приза. В теории это, наверное, было возможно, но на практике – нет. Казалось, это легко – в том-то и трюк, – но даже самый меткий в стране стрелок мог бы добиться этого только с Божьей помощью.

Я вынужден был признать, что в данном случае Вайсс прав. Да и во многих других тоже. Игра, где нужно бросать монетки, чтобы они попали на дрейфующую в воде тарелку, пробковое ружье, с помощью которого надо было опрокинуть пачку сигарет с полки. Все они были рассчитаны на то, чтобы облапошить дурака.

Но наша с дядей игра была не так плоха. Прежде всего, мы не предлагали дорогие призы, какие невозможно выиграть. Примерно один человек из двадцати пяти мог сбить все три молочные бутылки тремя мячами и выиграть пупса, который обошелся нам в четырнадцать центов.

Это верно, но ведь он, черт побери, расставался со своими десятью центами ради того, чтобы получить удовольствие от попытки, покрасоваться перед своей подружкой или другими парнями, насладиться самим процессом броска – сильного и прямого. Этот проклятый пупс ничего для него не значил, кроме символа, так что это не было азартной игрой. Опять же тут требовалась сноровка, хотя удача тоже не помешала бы.

Я миновал киоск гадалки, выставку зародышей, вертушку, конечную станцию паровозика и танцевальное шоу. Когда я добрался до шоу уродов, Гарри Штульц, зазывала, как раз начал свою рекламную работу. Публики пока было мало, в основном дети, но почти через каждое предложение он делал паузу, чтобы постучать по большому барабану. Постепенно собиралось все больше людей.

Я обошел толпу, намереваясь идти дальше, но стоило мне поравняться с дальним концом рекламной платформы, как кто-то сказал:

– Привет, Эд!

Я обернулся. Это был тот самый коп, Армин Вайсс. Он все еще – или снова – сидел на краю рекламной платформы. Я приблизился к нему и поинтересовался:

– Вы что, вообще никогда не спите?

Он рассмеялся:

– Может, сегодня посплю. Продержусь до конца дня с помощью чашки-другой кофе.

– Но что вы делаете?

– Сажу и жду, пока в меня ударит молния. Как вчера в генератор. Если так и было в действительности.

– То есть... этого не было?

– Это как раз в списке моих дел. Поговорить с электриком, который чинил генератор. Как только вернусь в город. Как тебе Эвансвилл?

– Симпатичный городок.

– Мы прилагаем немало усилий, чтобы он таким и оставался. – Вайсс достал сигареты и предложил мне одну. Мы закурили. – Эд, – сказал он, – моя жена – лучшая повариха на сорок миль вокруг. Ты любишь клецки?

– Ну... не знаю...

– Значит, ты никогда не ел хорошие клецки, иначе не сомневался бы. Моя жена делает их такими воздушными, что они едва ли не взлетают с тарелки. А подливкой, которую она готовит, очень удобно удерживать их на месте. Готов поспорить, раньше ты ел только недодваренные клецки.

– Видимо, – согласился я.

Вайсс печально покачал головой:

– Куда катится мир! Слушай, Эд, сегодня пятница, а у нас каждую пятницу на ужин тушеное мясо с клецками. Мы тут недалеко живем, пешком дойти можно. Хочешь с нами поужинать?

– Мистер Вайсс, я ничего не знаю про лилипута или про убийство. Тем, что вы можете от меня услышать, не рассчитаешься даже за подливку, не говоря уж о тушеном мясе и клецках. Честное слово.

Он улыбнулся:

– Я это знаю, Эд. По крайней мере, мне так кажется. Но есть и другие причины. Прежде всего, ты и Эм – единственные люди здесь, кто не относится ко мне так, будто я распространяю какую-нибудь заразу. И потом, Эм сказал, ты играешь на тромбоне. Я подумал, ты захватишь его, и мы вместе немного пошумим. У меня есть труба, в молодости я играл в оркестре, таланты жены больше проявляются в области кулинарии, нежели музыки, но и она играет на пианино.

– Ладно, – кивнул я. – Надеюсь, у вас нет на мой счет никаких задних мыслей?

– Конечно, есть, сынок, но не задние. Ты знаешь здешний народ и как тут все устроено. Ты можешь рассказать мне, кто есть кто, снабдить меня кое-какими сведениями и дать за что ухватиться. Тем самым окажешь мне немалую помощь.

– Ну...

– Вот и прекрасно. Адрес: двадцать два – шестнадцать, Арлингтон, всего в шести-семи кварталах отсюда в сторону города. Мы ужинаем в шесть часов, и моя жена рассердится, если опоздаешь. И не забудь тромбон.

– Хорошо.

Вайсс соскользнул с края платформы, попрощался и побрел в сторону главных ворот. Я смотрел ему вслед и сам себе удивлялся: зачем я согласился на его предложение? Мне вовсе не хотелось оказаться замешанным в эту историю. Это ведь не мое дело.

За мной кто-то наблюдал. Я чувствовал это затылком. Обернувшись, я увидел у входа Скитса Гири, хозяина шоу уродов, который, улыбаясь, смотрел на меня. В его ухмылке было что-то неприятное. Впрочем, и лицо у него было неприятное. Скитс похож на карикатуру «жучка»² на скачках. Но, насколько мне было известно, по отношению ко мне он не таил никаких злых намерений.

Сунув руки в карманы, я подошел к нему и сказал:

– Привет, Скитс!

Недобрая гримаса сползла с его лица, сменившись кислой миной.

– Слушай, Эд, – произнес он. – Ради твоего же блага. Если будешь подлизываться к копам, добра не жди.

– Черт возьми, и что, я теперь в черном списке?

Мимо нас проходили люди. Зазывала вконец разошелся и страстно завлекал толпу. Зашли почти все взрослые посетители, толкавшиеся возле рекламной платформы.

Я отошел от Скитса и присоединился к толпе. В шатре было нечто новенькое, я сразу заметил. Это была деревянная ограда, которая охватывала площадь примерно в пять-шесть квадратных футов. Вокруг нее собрался народ. Я приблизился. Ограда окружала поросшее травой место, где прошлой ночью лежал труп. Труп убрали, но остался силуэт тела, который полиция обычно рисует мелом, прежде чем передвинуть его. Сейчас контуры тела были выложены веревкой, потому что мелом на траве не порисуешь. В центре обозначенного силуэта, там, где предположительно находилось сердце жертвы, лежал нож со следами засохшей крови на лезвии. Конечно, это было не настоящее орудие убийства – тот нож наверняка забрала полиция. Но это тоже был один из метательных ножей Австралии. Уж не знаю, откуда Скитс взял кровь, но вряд ли он использовал для подобной цели свою собственную.

Несколько человек толкались рядом со мной возле ограждения, и я отодвинулся. Меня охватила злость. Наверное, это было видно по моему лицу, когда я подошел к Скитсу. Говорить мне не хотелось. Ни слова, черт возьми! Я просто положил руку ему на грудь и с силой толкнул его. Скитс повалился назад через канатное ограждение. Я стоял на месте и ждал, пока он поднимется, надеясь, что он как-нибудь ответит. У меня чесались руки.

Однако он молча медленно поднялся с земли и лишь посмотрел на меня. Его глаза напоминали маленькие мраморные шарики. Скитс отвернулся и зашагал обратно.

Как только злость схлынула, я сообразил, что мне не следовало этого делать. А поскольку он не стал давать сдачи, я почувствовал себя в какой-то глупой и немного опасной ситуации.

Я постучал в дверь фургона Хоуги, и он пригласил меня войти. Они с Мардж сидели друг против друга в закутке для завтрака, оборудованном в фургоне. Компания, проектировавшая фургон, не приняла Хоуги в расчет: он занимал почти весь закуток, и было видно, что ему там неудобно.

– Привет, Эд, – улыбнувшись, промолвил он. – Бери стул, усаживайся. Только говори потише.

Он сделал знак, и я увидел, что там на койке спит Рита. Она сняла лиловое платье, чтобы не помять его, и лежала в одной комбинации кремового цвета. Контур ее тела под комбинацией были такими изящными, что у меня перехватило дыхание.

– Хочешь кофе, Эд? – спросила Мардж.

Кофе мне совсем не хотелось, но я, тем не менее, согласился, достал из буфета чашку с ложкой и придвинул стул к краю стола, за которым они завтракали. Отсюда я не видел койку и кремовую комбинацию, но это даже к лучшему.

² Человек, добывающий и продающий сведения о лошадях перед скачками.

Мардж налила кофе. Ее глаза казались очень усталыми, и я впервые заметил, что в черных волосах у нее пробивается седина. Она еще не уложила волосы и была без макияжа. Судя по всему, Мардж прочитала мои мысли.

– Не смотри на меня, Эд, – попросила она. – Я знаю, что выгляжу ужасно.

– Не так уж и ужасно, – заверил я, и она улыбнулась.

– В любом случае не сравнивай меня с Ангелочком.

– Ангелочком?

– С Ритой. Так ее называет мой муж. Вот почему я никогда не беспокоюсь на его счет.

– Ясно.

Хоуги усмехнулся:

– Как хорошо иметь доверчивую жену. Мне бы даже убийство с рук сошло.

Конечно, он сказал это в шутку, однако слово «убийство» вызвало неприятные ассоциации. Я заметил, что Мардж бросила на него негодующий взгляд. Решив, что сейчас она начнет кричать на мужа, я постарался сменить тему и спросил:

– А стрип-шоу сегодня будет?

– Мори говорил, что начнет после трех, если к тому времени не пойдет дождь. Мы должны разбудить Риту в три часа. Бедняжка вчера не очень-то выспалась. Что там на улице, Эд? Будет дождь?

Я пожал плечами:

– Не знаю, но дядя Эм считает, что дождя не будет, а у него обычно хорошо получается предсказывать погоду. Как Сьюзи?

Хоуги печально покачал головой:

– Не очень. Похоже, я все-таки совершил невыгодную покупку. Обезьянка-то оказалась больная.

– Пустил на ветер сто пятьдесят баксов! – воскликнула Мардж. – На эти деньги я могла бы купить кучу одежды, ведь сезон почти закончился...

Хоуги всплеснул руками:

– Ну, может, мы и потеряли полторы сотни да еще кое-что потратили на всякую мудреную еду и лекарства, но если мне удастся вылечить ее, мы будем при деньгах. Знаешь, Эд, сколько она будет стоить?

– Сколько же?

– Пять сотен, без проблем. Неплохая прибыль, верно? Но у меня на ее счет другие планы. Буду дрессировать обезьяну всю зиму, и если повезет, за пятьсот долларов не купишь даже часть такой обезьяны. В следующем сезоне я отвезу ее в большой цирк, и мы разбогатеем.

– Ты продашь Сьюзи или поедешь с ней?

– Я не большой любитель передвижного цирка, Эд. Мне подавай настоящий цирк. Я уже составил программу выступления шимпанзе, от которой у всех глаза на лоб полезут. Новый метод, и обезьяну обучить легче, чем по обычной системе.

– Вы показывали Сьюзи ветеринару? – спросил я.

Хоуги вздохнул.

– Эд, разве ты не знаешь, что Кларенс сам ветеринар? – спросила Мардж.

Я не сразу сообразил, кто такой Кларенс, поскольку чуть ли не впервые слышал, чтобы Хоуги называли другим именем.

– Серьезно?

– Если почувствуешь недомогание, Эд, обращайся. Я получил образование. Хочешь, покажу диплом? Он где-то здесь. Только вместо того, чтобы открыть практику, я пошел в цирк. Там познакомился с Мардж, выучил то, что знаю о шимпанзе. И о собаках. С кошачьими никогда особенно не ладил.

– То есть ты работал в цирке ветеринаром? Или дрессировщиком? – поинтересовался я.
– И тем и другим. Даже выступал с собаками.

– Вот откуда у него такие познания в области секса, теперь с лекциями выступает в сайд-шоу, – произнесла Мардж. – Только на самом деле он рассказывает не о женщинах, а о сучках.

– Я в этом не признаюсь, – заметил Хоуги.

Я встал и направился в переднюю часть фургона, где Хоуги соорудил деревянную клетку размером примерно три фута от стены до стены. Наклонился и заглянул внутрь между дощечками. Посреди клетки на куче соломы спала, свернувшись калачиком, обезьяна Сьюзи. По крайней мере я очень надеялся, что она спит: Сьюзи лежала неподвижно, будто мертвая. Но в темноте клетки я разглядел слабое движение ее груди, по которому понял, что она еще дышит.

– Тише, Эд, – сказал Хоуги, – не разбуди ее.

Я выпрямился и услышал скрип кроватных пружин. Обернувшись, я увидел Риту, зевая и потягиваясь, она сидела на краю кровати.

– Привет, Эдди, – сонно пробормотала она. – Отвернись-ка опять, я надена платье.

Я повернулся к деревянной клетке, но теперь мои мысли уже не были заняты Сьюзи.

К трем часам выглянуло солнце. Я проводил Риту до шатра стрип-шоу, а потом направился в наш киоск, чтобы узнать, не нужна ли дяде Эму моя помощь. Дела у него шли хорошо, насколько это вообще возможно днем. Увидев меня, дядя обрадовался, поскольку проголодался, но не хотел сворачивать киоск. Пока он бегал в столовую, я взял работу на себя.

Когда он вернулся, я рассказал ему, что капитан Вайсс пригласил меня на ужин и поиграть дуэтом. Дядя Эм рассмеялся:

– Значит, капитан играет на духовых инструментах! Знаешь, а ведь он и впрямь выказал немалый интерес, когда я сообщил ему, что ты играешь на тромбоне. Только я не понял, почему. Конечно, Эд, отдохни вечером. Я попрошу Мардж помочь мне, для разнообразия. Нам тут не помешает немного сексапильности.

– Мардж?

– Ну да, почему бы и нет? Она всегда рада заработать пару лишних баксов. Думаю, Хоуги жадничает, не слишком охотно тратится на наряды.

– Мардж так Мардж, ничего не имею против, – сказал я.

Я вспомнил еще кое-что и сообщил дяде о своей стычке со Скитсом Гири возле сайд-шоу.

Сначала дядя Эм улыбнулся, но потом вдруг посерьезнел и произнес:

– Малыш, ты следи за этим своим ирландским темпераментом. Конечно, гнусно так наживаться на убийстве, но не тебе судить о поведении Скитса – во всяком случае, до тех пор, пока он тебе не мешает жить. И даже если не нравится, что он вытворяет, не следует это демонстрировать, толкать его через канат.

– Просто в тот момент мне это показалось хорошей идеей, – сказал я. – Наверное, я повел себя как болван.

– Да. Только, черт подери, жаль, я этого не видел. Итак, господа, подходите. Сбейте бутылки и выиграйте милого пупса...

Я околачивался в цирке почти до половины шестого. Затем переоделся, сел в трамвай и отправился по адресу, который дал мне Вайсс.

Дом полицейского оказался симпатичным коттеджем на большом участке, расположенном на приличном расстоянии от улицы и окруженном деревьями. Оказавшись в таком

месте, циркач начинает гадать, не попался ли он сам на чью-нибудь удочку. Дверь открыл Вайсс.

– Привет, парень! – воскликнул он. – Ма, это Эд Хантер!

Ма была из тех хрупких женщин, которые напоминают птичек. На вид ей было лет сорок, а Вайссу немногим больше. Повертевшись минутку возле меня, Ма ушла в кухню.

Вайсс не шутил насчет трубы. Он достал ее и расставил на пианино ноты какого-то легкого дуэта. Я собрал тромбон, настроился, и мы стали играть вместе. Не скажу, что это был уровень Карнеги-Холла, но в целом получилось неплохо. Музыка была, конечно, избитая, но, как ни странно, банальность в собственном исполнении раздражает гораздо меньше. Пьеска была написана для двух труб, так что я оказался не в самом выигрышном положении: мне приходилось «читать» скрипичный ключ вместо басового и играть его на октаву ниже, чтобы он соответствовал диапазону тромбона. Но мы оба играли в си-бемоль, так что транспонировать не надо было. Ма заглядывала в комнату и выражала восхищение нашей игрой, будто действительно так думала.

Потом она позвала нас в кухню ужинать. Это была просторная кухня, и мне понравилось, что Ма, в отличие от большинства людей, не стала извиняться за то, что накрыла на стол здесь. Мне кажется, есть нужно именно в кухне. Там еда становится гораздо вкуснее.

По крайней мере, так было сейчас. В обещаниях Вайсса не звучало ни капли преувеличения. Вроде самая простая пища: мясо, картофель и клецки с подливкой, – но вкус неземной. С такой подливкой даже опилки хорошо бы пошли, а ведь мы ели не опилки.

Я так наелся, что пришлось отказаться от десерта – пирога с начинкой. Вайсс обозвал меня слабаком и умял два куса, а ведь он и всего остального побольше моего съел.

Ма Вайсс не позволила нам помочь ей с посудой, даже вытереть не дала. Мы с копом сели пить кофе, закурили и принялись обсуждать что угодно, только не то, о чем, как я предполагал, он захочет со мной поговорить. До сих пор Вайсс даже не упомянул об убийстве.

Он спросил, не хочу ли я еще сыграть, но я отказался – слишком объелся, чтобы дудеть, и он признался, что и сам чувствует нечто подобное.

Вайсс достал из холодильника пару бутылок пива, открыл их, и мы продолжили говорить обо всем, но не об убийстве. Я не выдержал первым. Спросил, установили ли они личность убитого лилипута.

– Нет, – ответил Вайсс. – Вот в чем главная трудность, Эд. Мы даже не можем начать настоящее расследование, пока не выясним его личность. Но ничего, установим.

– Как?

– При помощи огласки. Если в Эвансвилле обнаружен мертвый лилипут, значит, где-то в другом месте лилипут пропал. Мы сделаем так, что историю напечатают в «Ассошиэйтед пресс» и «Юнайтед пресс», а она достаточно любопытна, чтобы появиться в газетах. И очень скоро кто-нибудь обнаружит подходящую пропажу лилипута, и у нас будет с чего начать. Сейчас эта история расходитя по вечерним газетам по всей стране, и я не удивлюсь, если с минуты на минуту мне позвонят из участка.

– А может, лучше обратиться в «Вэрайети» и «Билборд»? Мало циркачей и людей, имеющих отношение к шоу-бизнесу, читают местные ежедневные газеты.

– Конечно. Мы пишем в «Вэрайети» и «Билборд». Но они выходят не каждый день, в отличие от газет, и если мы будем ждать результатов от них, это займет больше времени. А цирк тем временем уедет. В общем, я возлагаю надежды на ежедневные газеты. А когда мы выясним, кто он такой, сможем связать его с кем-нибудь у вас в цирке.

– Или с кем-нибудь в Эвансвилле, – сказал я, – кто не имеет отношения к цирку.

Вайсс покачал головой:

– Не пройдет, Эд. Не хочу сказать, что у нас в Эвансвилле нет убийц. Но это преступление они не совершали. Прежде всего, взгляни на нож. Он принадлежал вашему метателю

ножей, лежал у него в сундуке под сценой, на которой он выступает, всего в дюжине ярдов от того места, где мы нашли тело лилипута. Из сундука его достал работник цирка. Циркач наверняка знал, где Австралия хранит ножи. Обыкновенный горожанин этого не знал.

– Может, это был вор, пробравшийся в шатер, чтобы что-нибудь украсть, – произнес я. – Нашел сундук с ножами и...

Меня перебил тихий смешок Вайсса:

– А потом достал из кармана голого лилипута и зарезал его. Черт возьми, Эд, связь с цирком явно существует. И никуда от этого не денешься.

– Вы говорили с электриком, который чинил генератор? – спросил я.

– Кто здесь кого допрашивает, Эд? Да, я с ним виделся. Виной всему действительно удар молнии. Убийца воспользовался темнотой, но не он ее устроил. Эд, тебе бы пойти в детективы. Любопытства тебе не занимать.

– Правда?

– А разве нет? Не станешь же ты отрицать, что тебе не меньше моего интересно узнать, что случилось вчера ночью. Только мне за мое любопытство платят, а тебе нет. Еще пива?

Не дожидаясь ответа, Вайсс взял две бутылки. Я не стал отказываться.

– Эд, – сказал он, – я действительно намеревался тебя немного допросить, когда приглашал на ужин. Но я все обдумал и решил, что толку от этого не будет. До тех пор пока у меня не появится какая-нибудь зацепка, и личность лилипута не будет установлена, я не понимаю, какие вопросы задавать, а ты не знаешь, что мне сообщить. Позднее я, вероятно, допрошу тебя. Но пока я только хочу попросить тебя кое о чем. Будь начеку. Просто отмечай все необычное, что видишь или слышишь в цирке, все, что может хотя бы отдаленно быть связанным с убийством. И держи меня в курсе. Хорошо?

– Ну... наверное.

– Вижу, тебе не по душе моя просьба. А жаль. Ты ведь не любишь убийства?

– Кто же их любит?

– Преступники. Я не совсем точно выразился. Скажем так, убийство для них предпочтительнее, чем кое-какие другие занятия. Возьмем, к примеру, наемного киллера, который убивает человека за пятьсот баксов. Он не получает никакого удовольствия от того, что нажимает на спусковой крючок, если, конечно, он не полный псих, но ему хочется иметь пятьсот баксов. Без них, того и гляди, придется устроиться на работу и ходить туда. – Вайсс вылил в стакан остаток пива из второй бутылки и выпил. – Убийство, совершенное психопатом, может быть совершенно иным, но наш убийца – не психопат, Эд, – добавил он.

– Откуда вы знаете?

– Я почти уверен, что это так. Слишком уж странное преступление. Не тот стиль...

Я кивнул. Это было не очень логичное обоснование, но я чувствовал, что Вайсс прав.

– То есть вы хотите, чтобы я был вашим шпионом в стане врага, – произнес я. – Мне это не нравится.

– Ты правильно выразился, – кивнул он. – Если признать, что цирк – это стан врага. Если ты признаешь, что он до такой степени враждует с законом и порядком, что поощряет хладнокровное убийство. Если ты на стороне убийцы только потому, что он из цирка. Тебе так кажется, Эд?

– Вы меня поймали, – усмехнулся я.

– Что ж, обдумай мое предложение и дай мне знать. Я не стану настаивать. И будь осторожен.

– Осторожен?

– Я имею в виду, не задавай лишних вопросов. Это может быть опасно. Те, кто совершает убийство, не любят тех, кто об этом расспрашивает. Кроме твоего дяди, никто не знает, что ты сегодня был здесь?

– Нет, – ответил я. – Ладно, я все обдумую. Но скорее всего, я ничего не услышу и не увижу. – Я допил пиво и встал. – Мне пора. Хочу еще немного помочь дяде Эму.

Вайсс не стал возражать и уговаривать меня остаться. С торжественным видом пожал мне руку, а потом в комнату вошла миссис Вайсс, вытирая руки о фартук. Она тоже пожалала мне руку, и я, сам не знаю почему, почувствовал смущение.

– Не позволяй ему ни в чем себя убедить, Эд, – сказала мисс Вайсс.

– Хорошо, – пообещал я.

На обратном пути я решил, что и впрямь не позволю. То есть я не собирался специально что-либо предпринимать и ставить себя под удар. Ведь просто заниматься своими делами и быть на стороне убийцы – не одно и то же.

В воздухе клубился легкий туман, обрисовывая все лампы на площадке кругами, похожими на нимб. В тумане колесо обозрения казалось гигантским. Он приглушал звуки, и все выглядело каким-то нереальным.

Я стоял на тротуаре снаружи и смотрел на входные ворота – большие, яркие и веселые, словно ворота в рай, расположенные футах сорока от улицы. Я слышал визг плетки, стук большого барабана, призывающего посмотреть шоу, и тысячи голосов, которые, сливавшись воедино, образовывали какой-то странный незнакомый звук. Мне казалось, будто раньше я никогда не видел передвижного цирка и не слышал этого звука.

Мимо меня проходили люди. К воротам стекалась толпа. Невзирая на туман и вероятность дождя, народу собралось больше, чем обычно по вечерам в субботу или воскресенье. И публика, судя по всему, неплохая, не из прижимистых. Между большой аудиторией и хорошей аудиторией есть разница: сейчас было и то и другое.

Я зашагал к воротам, но потом, передумав, обошел их с внешней стороны по направлению к нашей палатке, чтобы спрятать тромбон. Мне не хотелось идти с ним по аллее, чтобы кто-нибудь, заметив инструмент, начал гадать, где я на нем играл.

Затем я нырнул в нашу будку сбоку. Если так делать, можно получить бейсбольным мячом в глаз, но мне повезло. Киоском управляли дядя Эм и Мардж Хоугланд, и они неплохо зарабатывали.

– Фильм, наверное, рано закончился, Эд? – спросил дядя Эм, давая мне понять, как он объяснил Мардж мое отсутствие.

– Я не стал досматривать до конца, – подыграв ему, ответил я. – Мне не понравилось.

Дядя Эм отвел меня в угол будки, откуда Мардж не могла нас услышать, и прошептал:

– Иди-ка ты отсюда, Эд. Я пообещал Мардж долю сегодняшней прибыли, а если ты останешься, она решит, что больше мне тут не нужна, и уйдет. Так что еще поиграй где-нибудь, ладно?

– Конечно, но...

– Никаких «но». Слушай, Мардж не помешают деньги. У Хоуги в последнее время дела идут неважно. Он и проигрывать стал. На этой неделе продул пятьдесят баксов в блек-джек, а вчера – еще шестьдесят в рамми, и...

– И ты их выиграл?

– Да, я выиграл те шестьдесят. Так что пусть Мардж получит часть из них назад на булавки. Давай, иди отсюда.

– Ладно, ладно, не дави на меня.

– Да я так, подтолкнул чуть-чуть. Вот тебе десять центов, купи себе хот-дог. – Он сунул что-то в нагрудный кармана моего пиджака, но я был уверен, что это не десять центов, а пять долларов.

– Спасибо, – сказал я. – Значит, не возражаешь, если я пойду?

Дядя Эм усмехнулся и толкнул меня так, что мне пришлось быстро перелезть через низкий прилавок перед будкой, чтобы не споткнуться о него.

Я влился в толпу, курсировавшую по аллее. Народу было еще больше. Следуя за толпой, я оказался в плотной пробке перед шатром сайд-шоу. Там я попросту застрял. Никто не двигался ни вперед, ни назад. Странно, ведь на сцене не происходило ничего интересного. Там сидел на одном из двух стульев только Скитс Гири. Он повернулся спиной к толпе и нахально сдвинул шляпу на затылок. Но две будки справа от сцены продавали билеты в бешеном темпе, а ведь тут не было даже грайнд-шоу. Кто-то пихнул меня локтем в бок. Я повернул голову и увидел очень толстую тетку. Она была с меня ростом и раза в три тяжелее.

– Извиняюсь, мистер, – с легкой одышкой произнесла она. – Господи, ну и толпища!

Сзади нас толкали ближе к будкам с билетами.

– Что происходит? – спросил я. – Я не видел рекламы. Откуда такая толпа?

Она посмотрела на меня так, словно я сошел с ума:

– Ну как же, ведь именно там убили лилипута! Разве вы не читали газету?

– Да, но...

– Кто-то сказал, цену подняли вдвое. Вы не в курсе? Что ж, если и так, наверное, оно того стоит. У них есть нож, которым его зарезали, и моя сестра говорит, на нем еще видна кровь, а там обозначено место, где нашли труп, и все такое. Можно получить кувшин крови, но это за дополнительную плату.

Я повернулся и, расталкивая посетителей, выбрался из толпы. Пошел к киоску, где продавали лимонад, и купил стаканчик, чтобы запить неприятный вкус во рту. Стоя там, я достал из кармана купюру, которую дал мне дядя Эм, и положил ее в кошелек вместе с оставшимися у меня деньгами. Это была не пятерка, а двадцатка. Я понял, что и у дяди Эма, видимо, неплохо идут дела, и на мгновение от этой мысли мне стало противно, но потом я подумал: разве он виноват в том, что вчерашнее убийство приносит больше денег? Глупо было бы закрывать киоск или прогонять зрителей только потому, что сегодня их больше, чем обычно. Ведь, в отличие от Скитса, дядя специально ничего не предпринимает, чтобы нажиться на случившейся трагедии.

Допив лимонад, я прогулялся по аллее и свернул с нее, чтобы не идти мимо нашего аттракциона. Машинист паровозика накричал на меня, когда я пошел через пути, но, узнав меня, дружески помахал рукой.

Некоторое время я смотрел на рекламную сцену перед шатром, где началось танцевальное шоу, наслаждаясь быстрым шафлом, который Джигабу – семилетний танцор-вундеркинд – исполнил для затравки. Он был очень хорош.

Когда Джигабу закончил танец и вернулся в шатер, я двинулся дальше. Повсюду толпился народ. Даже зал игровых автоматов собрал неплохую прибыль. Зарабатывали все – даже я, если считать двадцатку, которую сунул мне дядя Эм.

С такой толпой цирк будет работать до часу или двух ночи и грести доллары лопатой. И это вечером рабочего дня, когда вот-вот мог хлынуть дождь и мы должны были бы закрыться.

Я подумал, что если лилипута убил кто-то из наших, эта смерть была нам на руку.

Глава четвертая

Перед шатром стрип-шоу собралась большая толпа. На рекламной сцене стояли четыре девушки в халатиках, среди них была Рита. Возле микрофона надрывался зазывала, Чарли Уилер, один из стариков с луженой глоткой, работавших еще до появления системы местного оповещения, и он никак не мог взять в толк, что при наличии микрофона для усиления громкости ему не обязательно вещать в полный голос.

У Риты на лице было слишком много косметики, как, впрочем, и у остальных моделей. Среди прочих девушек она была самой красивой и молодой. Я попытался встретиться с ней взглядом, но ничего не получилось. Чарли дошел до кульминации, жестом велел девушкам возвращаться в шатер, включил музыку и приступил к сбору денег. Судя по тому, сколько народу набилось внутрь, заработал он сегодня прилично.

Я остался снаружи. Мне очень хотелось зайти, но в то же время я отчасти радовался, что не могу этого сделать. Когда я только начинал работать в цирке, дядя Эм просветил меня на сей счет. Забавно, конечно, но со временем понимаешь, почему существует подобный запрет, практически табу.

Я вот что хочу сказать: если ты работаешь в цирке, то не ходишь смотреть на девочек. Модели согласны позировать практически в чем мать родила перед тупыми зрителями, перед дураками, которых они и за людей-то не держат. В этом нет ничего личного. Но если кто-то, знакомый с девушками, зайдет взглянуть, это уже считается непристойным. Это такой же вуайеризм, как подсматривать в окно фургона или через фрамугу в номер отеля. Конечно, глупо, но если вдуматься, в этом есть определенный смысл.

Я двинулся прочь, размышляя, не пригласить ли мне Риту на свидание после шоу. Но черт подери, у меня нет машины. Вот если бы Хоуги опять предложил мне свою, было бы здорово. Просить мне не хотелось, но вдруг он сам предложит?

У него в фургоне горел свет. Если постучаться, он наверняка крикнет, чтобы я зашел, но я почему-то колебался. Просто у меня возникло ощущение, что не надо этого делать. Но я сказал себе, что все это чушь, постучал в дверь, он крикнул, и я вошел.

С тех пор как я был здесь днем, Мардж немного прибралась в фургоне. Повсюду царил идеальный порядок, вот только Хоуги был не в порядке. Он сидел там же, где и раньше, между столом и сиденьем сбоку от него. Но теперь вместо кофе перед ним на столе стояла опустошенная на три четверти бутылка виски. Я никогда не видел Хоуги таким пьяным. Это означало, что он все еще себя контролирует, но о его состоянии красноречиво свидетельствовали осунувшееся лицо и мутный взгляд.

– Садись, Эд, – предложил Хоуги. – Бери стакан, выпьем.

Он говорил четко, но явно прилагал для этого немалые усилия. Пить мне не особенно хотелось, но стакан я взял.

– Немного, – произнес я, когда Хоуги начал наливать. – Один глоток.

В его понимании глоток занимал половину стакана, не менее трех-четырёх унций.

– За Сьюзи, – сказал я и отхлебнул виски.

Хоуги тоже выпил и засопел, соглашаясь с тостом. Потом молча уставился на меня из-под полуприкрытых век. Мне почему-то пришла в голову мысль, что, не зная я его, то непременно испугался бы. А так ли уж хорошо я его знал? Например, что он пьет в одиночестве?

Вскоре молчание начало меня тяготить. Я выпил еще и спросил:

– Как она, Хоуги? Ну... в смысле... Сьюзи.

– Боюсь, она умрет, Эд. Что ж, черт возьми, я сделал все, что мог.

– Жаль.

– Дело ведь не только в деньгах. Я не жалею о потере ста пятидесяти баксов, я знал, что шансы никудашные, когда покупал ее. Понимал, что именно поэтому она мне так дешево досталась. Но я, черт побери, к ней привязался!

Я приподнялся – хотел посмотреть, как там Сьюзи. Но Хоуги сказал:

– Не тревожь ее, Эд. Я дал ей снотворное, оно только начинает действовать.

– Конечно, – кивнул я и снова сел, размышляя, как мне свести разговор к машине.

Я сделал последний глоток и покончил со своей порцией. Виски обжег все внутри и на вкус был отвратительным, но гордость не позволяла мне бежать за «прицепом»³. Когда ко мне вернулся голос, я спросил:

– Рита придет сюда после конца шоу?

– У нее свидание.

– Что?

Хоуги посмотрел на меня и усмехнулся. Взял бутылку и налил мне еще, прежде чем я заметил, что он делает.

– Ты когда-нибудь слышал мои лекции по сексу, Эд? – спросил он. – Если их не отменят в Саут-Бенде на следующей неделе, приходи, узнаешь, что с тобой творится... Черт возьми, извини, Эд! Я не хотел над тобой подшучивать. Я пьян. Не обращай на меня внимания. Но у Риты действительно сегодня свидание с каким-то бездельником. С банкиром из Эвансвилла.

– Ясно, – протянул я.

Я вспомнил, что в городе Рита заходила в банк. Но тогда я думал, что у нее там дела. Веки Хоуги снова отяжелели.

– Лучше выбрось Риту из головы, Эд, – посоветовал он. – У этой девочки большое будущее. Она умеет отличить доллар от бумажки. Но не пойми меня превратно, Эд, она хорошая девчонка. Я знал ее, когда она еще носила косички, а это было не так давно. Ей, наверное, лет восемнадцать или девятнадцать. Но она быстро поумнела. Жизнь-то у нее была нелегкая.

– Да? – сказал я только для того, чтобы он продолжил разговор. Не знаю, почему мне этого хотелось.

– Мать Риты умерла, когда ей было двенадцать, лет шесть-семь назад. Ее отец, Хауи Вайман, мой хороший друг и отличный парень, когда трезв, но такое случается нечасто. Рита терпела, пока ей не стукнуло пятнадцать, а потом сбежала из дома – если, конечно, ее жизнь со стариком Хауи можно назвать домом.

– Чем же она занималась?

– Чем придется. Работала профессиональной танцевальной партнершей в клубе, выступала в бурлеске, пока там не прознали, что она несовершеннолетняя – она даже в шестнадцать могла сойти за двадцатилетнюю. Вскоре заболела и угодила в больницу, а несколько недель назад увидела мое имя в «Билборде» и написала мне через журнал. Вот как она здесь очутилась.

– Ясно.

– Но надолго Рита здесь не задержится. Слишком много у нее амбиций, чтобы оставаться в цирке. Ее ждет большой успех.

– Банкир из Эвансвилла – не самый большой успех.

– Да, но он может оказаться шагом в нужном направлении. В любом случае, Эд...

– Ладно, не нужно рисовать мне диаграмму. Я могу понять намек, когда его вбивают в меня бейсбольной битой.

– Выпьешь еще стаканчик?

³ Спиртное, которым запивают другой алкогольный напиток.

На сей раз я не стал отказываться, но забыл сказать, чтобы он наливал поменьше, и Хоуги налил полный стакан.

– Меня это, черт возьми, не касается, Эд, – продолжил он. – Ты хороший парень, и я хотел избавить тебя от...

– Забудь, Хоуги! Слушай, я вовсе не влюблен в Риту и не собираюсь влюбляться. Она отличная девчонка и просто нравится мне.

Я поднял стакан, и мы выпили. На сей раз я выпил слишком много, и пришлось запить водой. Хоуги рассмеялся и произнес:

– Я все забываю, Эд, что ты не так много пил в своей жизни. Лучше на этом остановиться, а не то Эм с меня шкуру спустит.

Я проглотил воду, глубоко вдохнул и решил, что виски все же останется на месте и я не взорвусь изнутри.

– Наверное, мне не стоит допивать, – улыбнулся я. – Спасибо, конечно, но мне так кажется. – Я выпил еще воды и поставил стакан на место. – Я пойду, Хоуги. До завтра.

Когда я выходил, он бросил мне вслед:

– Держись подальше от деревьев!

Я выбрался на аллею и, споткнувшись о кол, ухитрился ободрать лодыжку. Но это, скорее всего, из-за темноты, а не из-за виски. Однако я начал ощущать действие алкоголя. Ведь выпил-то я приблизительно шесть или семь обычных порций. Я старался идти осторожно и сосредоточился на том, чтобы передвигаться по прямой линии и не шататься. Если я следил за собой, то вполне мог контролировать свое физическое состояние. А вот морально мне было паршиво. Хотя... что удивительного в том, что у Риты свидание с парнем из города? Она достаточно откровенно все объяснила мне в ночь, когда мы познакомились. Но я все равно чувствовал себя так, словно мне дали в зубы.

Я направился к фургону Ли Кэри возле шатра шоу уродов. В фургоне было темно, и с минуту я раздумывал, можно ли мне зайти и послушать граммофон. Кэри говорил, я могу заходить в любое время. И тут я услышал его голос у себя за спиной:

– Привет, Эд. Господи, ну и ночка! Заходи.

Он только что выскользнул через боковую стенку шатра в перерыве между выступлениями. Я поднялся в фургон, и он следом за мной.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.